

Фамагуста полностью перешла под контроль Прокуратуры, и Ассоциация академий лишилась права вмешиваться в её дела. Поэтому, когда там произошло ЧП, высокопоставленные чиновники Прокуратуры, хоть и были на грани паники, не посмели напрямую обратиться за помощью к тем, кто находился под следствием. Они бросились к президенту в надежде на посредничество, чем загнали Адамса в крайне неловкое положение.

— У Прокуратуры есть собственные силовые структуры. Неужели вы не в состоянии справиться сами?

— Боюсь, что нет, — директор Прокуратуры Арнольд не скрывал тревоги. — Военный прототип относится к терминалам высшего уровня. Это невероятно сложная система, совладать с которой технический отдел Прокуратуры попросту не в силах. Сейчас наши оперативники и инженеры заблокированы в Фамагусте. Мы попытались провести разведку в районе Старого военного ведомства, но... — он запнулся. — Наши разведывательные спутники и корабли были сбиты ракетным ударом. Теперь мы не то что спасательную операцию провести не можем — мы вообще без понятия, что там творится.

— Сбиты?! — Адамс подумал, что ослышался.

— Именно так, — директор протянул отчет. — Сразу после того, как мы зафиксировали сигнал бедствия, все ретрансляторы связи на орбите Фамагусты были уничтожены. Высланные следом разведывательные зонды тоже сбили. Вот последнее сообщение, которое нам удалось перехватить. Его отправил один из наших инженеров.

Это было короткое, наспех набранное текстовое сообщение. Возможно, именно благодаря своей простоте оно и сумело пробиться сквозь помехи глушения.

— «Прототип вышел из-под контроля»? Что это значит? — Адамс нахмурился, не понимая сути.

Арнольд лишь растерянно покачал головой:

— Судя по предыдущим рапортам, техническая группа уже приступила к демонтажу. Аппарат жизнеобеспечения должен был перевести биологические компоненты прототипа в режим минимального энергопотребления. В таком состоянии биообъект находится в глубокой коме и полностью лишен сознания. Сама возможность сбоя или бунта исключена.

— Если Прокуратура получит подкрепление, вы сможете разобраться на месте?

Директор опустил взгляд, не решаясь ответить.

— Или вы думаете, что стоит нам пойти на попятную, и Планк тут же бросится на выручку?

— Господин президент... — голос Арнольда задрожал. — Я всерьез опасаясь за жизни наших

людей. До сих пор мы не получили ни единого требования от похитителей или террористов. И поверьте моему многолетнему опыту: именно это молчание пугает больше всего.

Эти слова заставили президента взвесить все риски. Он возглавлял Федерацию и не мог позволить себе клеймо лидера, бросившего своих граждан на произвол судьбы. Он мог пойти на многие компромиссы, но подорвать доверие народа — никогда.

— Идите за мной, — бросил Адамс.

Оставив советников в кабинете, он увёл директора в смежную комнату и плотно закрыл дверь.

— Планк замешан в этом?

Арнольд прекрасно понял, к чему клонит президент, и инстинктивно понизил голос:

— Судя по материалам нашего расследования, его отношения с Эрвином Германом сложно назвать дружескими. На среднем этапе проекта между ними то и дело вспыхивали жаркие споры. Если бы они сошлись во взглядах по ряду ключевых вопросов, им, весьма вероятно, даже не потребовалось бы привлекать Анни Шуберт для завершения разработки биочипа. Произошедшее выглядит подозрительно, но у Планка нет видимых причин вступать в сговор с Эрвином.

— Я улажу этот вопрос, — веско произнес Адамс. — Но учтите: я хочу видеть реальные результаты работы вашего ведомства. Налогоплательщики должны знать, что их деньги тратятся не впустую.

Адамс слишком хорошо знал Планка. Президент понимал, что угодил в ловушку собственных амбиций, но политику не привыкать проявлять гибкость. Для искушенного государственного мужа не составляло труда приползти с поклоном к врагу, которого он еще вчера мешал с грязью. Проблема заключалась в другом: Адамс попросту не знал, что предложить взамен. Надавить на Прокуратуру и свернуть расследование он не мог — это было его незыблемой красной линией.

В итоге он обратился к военным. В конце концов, речь шла о Фамагусте, а дела Старого военного ведомства напрямую касались армии. Маршал Йоханнес Зект определенно был в этом заинтересован.

Наладить контакт оказалось на удивление просто: Йоханнес до сих пор не мог забыть Инцидент с Большой черной дырой. К Планку и Анни маршал испытывал лишь легкое разочарование, но эти чувства блекли на фоне его глухой, укоренившейся ненависти к Эрвину Герману.

Однако сама ситуация оказалась куда запущеннее, чем они предполагали. С момента отправки

сигнала бедствия прошли целые сутки. К тому времени, как специалисты Ассоциации академий подключились к расследованию, спасти было уже некого. Их взору предстало лишь жуткое пепелище.

— Позвольте представить: Лотт Хольвег, наш главный инженер по обслуживанию Системы Оуэн и по совместительству член специальной следственной группы Ассоциации, — Планк отрекомендовал своего человека президенту.

При этих словах Галин поднял глаза на ничем не примечательного альфу. Лотт даже не взглянул в его сторону, вежливо поднявшись для рукопожатия с главой государства.

— Не думала, что тебя привлекут к работе в спецгруппе, — негромко заметила Анни. Она не обратила внимания на эти тонкости общения, заговорив с Галином просто по привычке.

— Использовать целого капитана в качестве обычного телохранителя — непозволительное расточительство, — Галин отвел взгляд.

Оба они держались в тени, и до их перешептывания в углу конференц-зала никому не было дела. Все внимание присутствующих было приковано к главному экрану, где транслировались последние данные разведки.

Военная инфраструктура Фамагусты полностью перешла под контроль пробудившегося прототипа. Древние оборонные системы полувековой давности провели самодиагностику и заработали на полную мощность. Персонал, находившийся в центральном секторе, боевые роботы ликвидировали практически мгновенно. Те, кто находился на периферии базы, попытались эвакуироваться на челноках, но попали под огонь зенитных ракет. Фамагуста превратилась в сущий ад. Шестьсот сотрудников службы безопасности и сорок инженеров технической группы погибли до единого.

— Визуальных данных и системных логов у нас критически мало, — докладывал президенту Лотт. — Защитные протоколы военного прототипа невероятно запутаны. Мне удалось взломать лишь крошечный сегмент их сети, но обнаруженные уязвимости тут же блокируются и перестраиваются. На данный момент мы не можем с уверенностью утверждать, что под его контроль перешла абсолютно вся Фамагуста.

Лицо Адамса потемнело. Он не стал вдаваться в технические дебри и после короткого обмена репликами уединился в малом кабинете вместе с Планком и Йоханнесом, оставив членов спецгруппы наедине со своими мыслями. Хоть Анни и стояла у истоков Системы Оуэн, бразды правления проектом давно перешли к Лотту Хольвегу, так что точек соприкосновения у них почти не осталось.

— Госпожа Шуберт, — Лотт поманил её рукой. — Взгляните-ка сюда.

Он активировал портативный терминал и вывел на дисплей изолированную видеозапись:

— Это кадры с камер наблюдения в подземном бункере центрального штаба.

На экране разворачивалась трагедия последних минут жизни двоих техников Прокуратуры. Прототипу потребовалось около десяти минут, чтобы завершить регенерацию поврежденных тканей. Но самое немыслимое произошло дальше: завершив самосборку, он самостоятельно поднялся с ложа аппарата жизнеобеспечения.

Вид ожившего монстра поверг людей в дикий ужас. Они отчаянно пытались разрезать заблокированные гермодвери лазерными резаками, но тщетно. Прототип просто перекрыл вентиляцию и выкачал из помещения весь воздух. Разница давлений мгновенно разорвала их легкие.

Когда все было кончено, машина открыла шлюз ядра и перешагнула порог. Свободной, уверенной походкой, совсем как человек. Словно предвидя, что эту запись будут детально изучать, он на мгновение задержал взгляд на объективе камеры и едва заметно улыбнулся.

Несмотря на сильные помехи и низкую частоту кадров при передаче из глубокого подполья, Анни мгновенно узнала эту улыбку. Так улыбался только Эрвин.

«Неужели он выжил?»

В голове у нее воцарился полнейший хаос.

— Вы же лично провели ему лоботомию, удалив префронтальную кору. По идее, у него не должно было остаться никаких эмоциональных реакций, — Лотт постучал стилусом по экрану. — Однако мимика абсолютно живая и естественная. Думаю, здесь не обошлось без инъекции экстракта нейронов Эрвина Германа.

Ровный, профессиональный тон Лотта помог Анни стряхнуть оцепенение и вернуться к суровой реальности. Разумеется, ни о каком воскрешении из мертвых не могло быть и речи — ученый ведь и не умирал физически. Её просто до глубины души потрясла эта до боли знакомая ухмылка на лице биоробота.

— Какого еще экстракта? — вмешался Галин, который впервые слышал этот термин.

— Высококонцентрированная вытяжка из человеческой нервной ткани, — терпеливо пояснил Лотт. — Благодаря усовершенствованной формуле питательного субстрата, эти клетки сохраняют биологическую активность и способны приживаться в чужом организме. Даже микродозы достаточно, чтобы реципиент начал улавливать и дублировать синаптические импульсы донора. Проще говоря, — Лотт заметил, как у капитана округлились глаза, — если бы я устранил госпожу Шуберт и ввел ваши нейроны в её спинной и головной мозг, её тело осталось бы прежним, но личностью внутри него стали бы вы сами.

— Ого... — протянул Галин. — Ну и жуткие же у вас технологии.

— Не совсем так, — уточнила Анни. — Геном реципиента должен идеально соответствовать донорскому коду. С первыми встречными этот фокус не сработает.

Галин промолчал, вспомнив, что генетической основой для прототипа послужили ткани самого Эрвина. Пазл сложился. Неудивительно, что Лотт в разговоре упорно называл эту машину «он», а не «оно».

— И чего же он добивается? — нахмурилась Анни. Месть? Просто бессмысленный выплеск ярости?

— Понятия не имею, — Лотт безучастно пожал плечами. — Я с ним никогда лично не сталкивался. Да и откуда мне знать, почему блестящие ученые вдруг подаются в радикалы? Давайте просто подождем распоряжений сверху. Наше дело маленькое — мы всего лишь обслуживающий персонал.

Стоп-кадр с улыбающимся Эрвином все еще светился на мониторе. В этом выражении лица не было ни капли злобы или угрозы. Возможно, он до сих пор оставался бездушной железкой, даже не осознающей, что мгновение назад прервал сотни человеческих жизней. Лицо, точь-в-точь как у живого Германа, выражало лишь беззаботное дружелюбие — так улыбаются при случайной встрече со старым знакомым.

Любой альфа нашел бы эту улыбку чертовски притягательной. Если оценивать исключительно её.

Когда Эрвин обозвал феромоны Шлиффена запахом вонючего пушистика, тот рассвирепел не на шутку. Однако его ярость мгновенно улетучилась, стоило лишь ученому обезоруживающе улыбнуться.

Шлиффен мысленно махнул рукой: когда человек глуп до такой степени, его чудачества перестают раздражать и начинают казаться даже милыми.

Он заботливо застегнул на Эрвине куртку, запрыгнул на водительское сиденье их небольшой машины и нажал на газ. Пора было возвращаться на станцию к обеду.

По дороге Эрвин молчал. Положив подбородок на ладонь, он задумчиво разглядывал проплывающий мимо пейзаж за стеклом.

— О чем задумался?

— Да так, пустяки.

Даже когда они вернулись на наблюдательную станцию, Эрвин продолжал витать в облаках. Шлиффену пришлось щелкнуть пальцами прямо у него перед носом, чтобы вернуть его к реальности.

— Эй, очнись. Вот твой питательный раствор.

Тот лишь тихонько рассмеялся.

— И что тут смешного?

— Хочу показать тебе кое-что интересное. Думаю, тебе понравится, — загадочно произнес ученый.

До того момента, как Эрвин разблокировал массивные створки грузового лифта, Шлиффен был свято уверен, что успел изучить каждый квадратный метр этой Богом забытой базы.

— Поверить не могу... Прямо за стеной главного пульта была потайная дверь?! — Шлиффен изумленно округлил глаза.

— А за дверью скрывается самое интересное, — с улыбкой отозвался Эрвин. — Держись крепче за поручень. Нам спускаться на шестнадцать ярусов вниз.

Старая кабина лифта со скрежетом тронулась. Первые несколько этажей они скользили сквозь толщу глухого бетона защитного контура, но затем глухие стены сменились панорамным бронестеклом из прозрачного фиброволокна, открывая ошеломляющий вид на подземные глубины.

— Ничего себе! — Шлиффен, словно замороженный ребенок, прильнул лицом к прозрачной панели. — Какая же тут глубина... Обалдеть!

Огромное подземное пространство высотой в четырнадцать этажей было полностью полым. Лифтовая шахта проходила сквозь колоссальный зал яйцевидной формы. Вдоль закругленных стен тянулись ярусы кольцевых галерей, соединенных легкими металлическими лестницами. На каждом уровне копошились десятки раритетных роботов, точь-в-точь как их Оуэн. Темно-коричневая облицовка стен в сочетании со стальным блеском спиральных переходов рождала удивительное сходство с драгоценными пасхальными яйцами, которые когда-то заказывали древние цари для своих супругов.

— На поверхности расположена лишь маскировка — наблюдательные посты и оптика. Все самое важное находится здесь. Я же говорил, что финансовые возможности Планка практически безграничны. Теперь убедился? — Эрвин сделал глоток из своего пакета с питательным раствором. — Ты сам-то есть не хочешь?

— Какая еда, я сыт по горло впечатлениями! — Шлиффен никак не мог унять восторг. — И все это отгрохали ради тебя? Зачем? Что вообще можно исследовать на этой Богом забытой глыбе?

— Ценность фундаментальной науки сложно предугадать заранее. Обычно я руководствуюсь чистым любопытством. Тогда меня живо интересовала геотермальная энергия. Плюс здешнее небо просто великолепно. Здесь ведь царит вечная полярная ночь. А я, если честно, люблю темноту куда больше звезд.

— И только-то? — Шлиффен насмешливо фыркнул. — Наш Персидский леопард явно к тебе неравнодушен, раз идет на такие траты.

— Да это разве траты? — Эрвин негромко рассмеялся. — Я как-то раз затребовал у него грант на оптимизацию гидродинамики унитазного смыва.

— Фу, мерзость какая... — Шлиффен картинно сморщился. — Только не говори мне, что современная канализация — твоих рук дело.

— К счастью, нет. Тот проект с треском провалился. Ужасно обидно, гидродинамика бытовых систем оказалась мне не по зубам. Хотя я начертил больше сотни схем и построил прорву действующих макетов. Те миниатюрные копии обошлись Планку куда дороже, чем весь этот бункер.

Шлиффен покатился со смеху:

— И как, Леопард не лопнул от злости?

— Он был в ярости. С тех пор он не просто подписывал чеки, но и лично проверял, какую именно дичь я пишу в заявках на финансирование. О, гляди туда, — Эрвин указал рукой налево. — Там обустроена небольшая библиотека. Я собрал там редкие бумажные фолианты и трактаты времен Древней Земли. Если станет совсем тоскливо, можешь заглянуть полистать.

Мимо стеклянных стен кабины медленно проплыла массивная деревянная дверь. Из-за расстояния разглядеть детали было трудно, но на древесине отчетливо угадывался изящный винтажный барельеф.

— А прямо перед нами — чайная комната. Обычно я работал тут в полном одиночестве, но иногда любил устроить перерыв на чаепитие. Зайди как-нибудь.

— И там правда есть настоящий чай?

— Откуда? Можешь захватить с собой синтетический паек. В уютной обстановке он покажется тебе капельку вкуснее.

Шлиффен лишь безмолвно покачал головой. К фирменному юмору Эрвина Германа давно пора было привыкнуть.

Лифт мягко коснулся посадочной платформы на самом дне шахты.

— Потрясающее место, будто ожившая сказка, — выдохнул Шлиффен. — Так это и был твой сюрприз?

— Вовсе нет, — Эрвин развернул кресло и направился к выходу из кабины.

В центре просторного зала с глухим гулом заработали мощные гидравлические приводы. Плиты пола разошлись в стороны, и из темного зева подземного ангара медленно поползла массивная стальная станина.

— Мой мех!..

Шлиффен замер, не веря собственным глазам. На платформе, поблескивая свежей полировкой, высился его собственный универсальный мех E25!

— Вот теперь сюрприз закончен. Надеюсь, тебе нравится, — мягко улыбнулся Эрвин.

<http://bllate.org/book/18311/1756282>